

искусства человек выступает подлинным творцом. Результат его творения — произведение, произведение же есть воссозданная (сотворенная) художественная реальность. В художественном произведении мир человека переводится в духовный план бытия, но как и сам человек, произведение двуприродно, является единством материального и идеального. Тогда художественная реальность — это идеальное бытие произведения, то, что составляет его смысловую, значащую сторону, создается звуком, цветом, словом, но преодолевает материальную ограниченность и понимается человеком как смысл. Художественное произведение для человека, заключенное в вещественную предметную форму своего бытия, есть и духовный образ — модель мира.

Художник, работая с материалом, одухотворяет его. И тогда процесс творчества уже не есть процесс материализации идеи, воплощении ее в предметном знаковом бытии, но есть процесс одухотворения материи, преодоления вещественности камня, глины, краски, тела, звука, знака в идеальное бытие — художественную реальность. Таким образом, в творчестве через создание художественной реальности культура осуществляет свое идеальное, духовное бытие.

Ю. И. Мирошников
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКА СОЦИОДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ

Если социодинамика культуры стала объектом исследования и в зарубежной и отечественной литературе и социодинамические характеристики культуры — уже установленный и хорошо известный факт, то вопрос о том, где в общественной сфере локализован источник духовности, какой элемент общественной жизни источает духовную энергию, необходимую для осуществления культуры как динамического явления, пока не только не решен, но даже не поставлен.

Философы всегда исходили из трех постулатов: 1) существует двоемирие, т. е. миры духовный и материальный; 2) они взаимодействуют между собой и 3) духовная сфера имеет приоритет над материальной (телесной). С тех пор, как Диоген появился на Истмийских играх в сосновом венке и объявил себя победителем телесных наслаждений, бедности и земного бес-

славия, можно сказать, что такая традиция не только была заявлена, но и утверждена навеки в европейской культуре. Даже классики марксизма, на словах по крайней мере, не отвергали этих очевидных истин. Наоборот, Ф. Энгельс возмущался превратными представлениями германского общества прошлого века, по которым идеализм означал для него веру в добродетель и вообще во все святое, а материализм отождествлялся с грязными наклонностями натуры, свойственной филистеру. (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 290). С точки зрения Ф. Энгельса, “всякий мало-мальски нормально развитой человек” “следует идеальным стремлениям” и признает влияние на него “идеальных сил”. По сути дела “идеальные силы”, т. е. духовность здесь понимается как нравственность. Этот смысл слова “духовность” был затем удержан в советской культуре, несмотря на ее материалистическое мировоззрение, утверждавшее первенство материи над сознанием. Это была одна из многочисленных антиномий советской культуры.

В свою очередь нравственное начало в обществоведении и публицистике сводилось к гуманизму, т. е. к любви, как должному отношению между людьми, конечно ограниченному рамками классового подхода. Итак, одним источником духовности оказывался “простой советский человек”, другим выступали так называемое “духовное производство” и “творческая” интеллигенция как субъект этого вида деятельности. Это была еще одна антиномия советской культуры. Ясно, что ни отдельный индивидуум, ни их масса, ни даже целое “духовное” производство не смогли бы сами по себе осуществить вечное движение культуры без источника “идеальных”, духовных сил, намного превосходящего человеческие способности и возможности.

Авторы, исследующие механизмы социодинамики культуры, создали представление о социокультурном цикле, начало которого принадлежит “верху” — творцам культуры, а нисходящая информационная ветвь направлена к “низу” — т. е. потребителям: читателям, слушателям, зрителям. (См.: Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 122, 297, 299). Но почему, собственно, представители интеллигенции, пишущие музыку или книги, снимающие кинокартины или создающие архитектурные проекты, олицетворяют собой культурный “верх”, а те, кто занят производством самой жизни должны быть отнесены к “низу”? Если проанализировать качества “чистого” и массового сознания, то окажется, что первому присущи нормативность, рефлексивность и авторство, а второму — стихий-

ность, наивность и анонимность. Совсем не очевидно, что сравнительная оценка этих свойств оправдывает претензии “творческой” интеллигенции называть себя культурным “верхом”, источником духовности. Именно это имели ввиду Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстой и другие критики результатов деятельности профессионалов искусства, науки и религии.

Однако усомнившись в способности “творческой” интеллигенции быть энергетическим началом культурной динамики, нельзя согласиться с представителями постмодернизма, выступающими вообще против деления культуры на “верх и низ”. Культура — это древо, имеющее корни и ветви, а не некое фантастическое растение, хаотично и безобразно заполняющее собой окружающее пространство. Культура и человеческая духовность — это ответ на метафизический зов, который слышим каждым, кто хочет его услышать. Это поступательное движение к гармонии, красоте, правде, к вечным ценностям, слиться с которыми человек мечтает, если не в земной жизни, то за ее пределами. В анализе этого глубинного стремления невозможно избежать метафизических посылок, столь непривычно звучащих для современного периода развития российской философии, постмарксистской по своему существу со всеми вытекающими отсюда особенностями мышления. Тем не менее логично предположить, что за нормами “чистого” сознания, за наивностью и искренностью фольклора, за профессиональными навыками общения учителя с учениками стоит нечто большее, чем исторический опыт человечества, накопленный в процессе практического преобразования природы. Это как раз и сознавалось и в античной философии (мир идей Платона), и в новоевропейской (учение об априорных формах И. Канта, концепция “нормального” сознания В. Виндельбанда и т. д.).

Продуцирующий “верх” и воспринимающий “низ” как начало и конец социокультурного цикла имеют опосредующее звено. И “чистое” (специализированное), и массовое (обыденное) сознание неполноценны сами по себе, их носители объективно нуждаются друг в друге, они жаждут соединиться: писатель — с читателем, художник — со зрителем, богослов — с мирянами. Область соприкосновения и слияния этих двух противоположных типов сознания — социальные институты образования и передачи культурной информации, образованная общественность. Именно образовательная сфера является местом воспроизводства человека как духовного существа. Она и есть истинный духовный “верх” общества.